

Провалы институционального строительства конкурентной среды

© 2011 А.А. Жук

кандидат экономических наук

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: alexjouk@ctsnet.ru

В статье предпринята попытка на основе ретроспективного анализа институционального строительства выявить причины низкого качества конкурентной среды российской экономики и выработать рекомендации по повышению ее эффективности.

Ключевые слова: конкурентная среда, экономические институты, институциональное строительство.

Проблема источников формируемых экономических институтов в России обозначена довольно давно и широко обсуждается в научной экономической литературе. Исследования, посвященные импорту¹, трансплантации² экономических институтов, их заимствованию и выращиванию³, проектированию⁴, селекции и протезированию⁵, трансферту⁶, институционализации⁷ и институциональной модернизации⁸, в конечном счете эволюции институтов⁹ и эволюционной модернизации¹⁰, непрерывно проводятся последние два десятилетия отечественными и зарубежными экономистами, а их результаты представлены в научной и периодической литературе.

Общей методологической платформой проведенных исследований источников институтоформирования является традиционное для неинституционализма аксиоматичное исходное положение о разделении экономических институтов на формальные и неформальные. В результате осуществляемые в этой области институционально-экономического анализа исследования концентрируются в основном на аудите способов заимствования формальных институционально-правовых актов из развитой институционально-рыночной среды и механизмах их внедрения в институциональную матрицу¹¹ российской экономики. Чаще всего результатом проведенного неинституционального анализа той или иной области институционального строительства является вывод о том, что “трансплантированный” институт не приживается в отечественной институциональной среде, трансформируется под воздействием неформальных практик и в итоге приобретает несвойственные изъятому у донора оригиналу характеристики, а экономические акторы предпочитают координировать свое поведение в соответствии с неформальными практиками, фактически противоречащими фабуле введенных в действие формальных законов.

На наш взгляд, в качестве исходной методологической основы анализа процесса мутации экономических институтов под воздействием неформальных практик выступает норттовская трактовка соотношения формальных правил и неформальных ограничений. В этой связи Д. Норт пишет: “Важнее всего, пожалуй, то, что формальные правила меняются, а неформальные ограничения - нет. Вследствие этого развивается устойчивый конфликт между неформальными ограничениями и новыми формальными правилами, поскольку те и другие часто несовместимы друг с другом. Неформальные ограничения постепенно складываются в предыдущий период как продолжение прежних формальных правил... Хотя полная смена формальных правил действительно возможна, многие неформальные ограничения окажутся очень живучими, потому что они будут по-прежнему помогать общественным, политическим и экономическим игрокам в решении фундаментальных проблем обмена”¹².

Анализ содержания и результатов проводимых в России институциональных реформ показывает, что они сводились и сводятся лишь к прямому заимствованию формальных норм и попыткам их внедрения в систему отечественных экономических институтов. В связи с этим за пределами внимания государства в лице институциональных проектировщиков остаются неформальные практики, непосредственно влияющие на результаты координации экономических агентов внутри экономического института. В результате направления векторов мотивов формальных законов и неформальных практик вследствие асимметричности институциональной мотивации¹³ экономических субъектов могут не совпасть, что чаще всего и происходит на практике. Поэтому сформированный в конечном итоге экономический институт деформируется и не является конгруэнтным институциональной норме

страны реципиента. Обоснованная нами гипотеза механизма институциональной мутации полностью укладывается в рамки теоретической модели зависимости институциональных трансформаций от предшествующей траектории развития П. Дэвида¹⁴.

На наш взгляд, проблема мутации возникает и при осуществлении собственного институционального строительства. Экономический анализ принимаемых законопроектов, исследование неформальных практик, их корректировка под трансформируемые или вновь вводимые формальные законы на уровне государства не производится. Результатом такой бездеятельности в итоге выступает неостребованность экономическими акторами формального закона, который постепенно обрастает множеством отличных от его системы координат неформальных практик.

Не является исключением в истории системной институциональной реконструкции и процесс формирования конкурентной среды российской экономики. Прежде всего, на наш взгляд, построение эффективной конкурентной среды как системы, внутри которой экономические акторы осуществляют конкурентные взаимодействия, не идентифицируется государством как цель экономической политики. Эта цель подменялась (как, впрочем, и в настоящее время) развитием самого процесса конкурирования в основном для достижения результатов в виде общего снижения цен, упускались из внимания те социально-экономические и инфраструктурные условия, в которых этот самый процесс осуществляется.

Исследование процесса институционального строительства на основе использования общенаучного историко-генетического подхода предполагает итерационный анализ процесса институционального проектирования конкурентной среды в ходе рыночно-трансформационных преобразований. Стартовой точкой такого процесса проектирования и создания современных институтов конкурентной среды можно считать принятие закона СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-ХІ “О кооперации в СССР”¹⁵, на который возлагались надежды по стимулированию экономической активности агентов, их конкуренции на товарных рынках и, как следствие, - повышение общей эффективности хозяйствования в стране, снижение цен на товары, работы и услуги. Однако механизмы развития и защиты конкуренции в данном законе еще не были прописаны.

Первым формальным документом, направленным на развитие института конкурентной борьбы и признание неэффективности доминировавшей государственно-монополистической формы хозяйствования, стало постановление

Совета Министров СССР от 16 августа 1990 г. № 835 “О мерах по демополизации народного хозяйства”, в котором отмечается, что “на пути последовательного проведения в жизнь экономической реформы возникли трудности, непосредственно связанные с проявлениями монополизма, которые выступают тормозом дальнейших прогрессивных преобразований в народном хозяйстве”¹⁶. Этот документ был принят еще в условиях тотального огосударствления всех сфер экономической деятельности и нацеливался на его снижение. Однако, к сожалению, он предопределил лишь антимонопольный характер политики государства в области построения конкурентной среды, значительно сузив тем самым рамки политики государства в этом направлении в ущерб акценту на полноценное качественное институциональное развитие конкурентной среды.

Спустя год уже Верховный Совет РСФСР принимает закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках”¹⁷. Этот нормативный акт полностью посвящен борьбе с монополистической деятельностью, в нем вскользь упоминаются формы недобросовестной конкуренции, но подробно регламентируется деятельность антимонопольного органа, к основным задачам которого отнесено содействие и формирование рыночных отношений на основе развития конкуренции и предпринимательства. Здесь же указано, что этот орган занимается развитием антимонопольного законодательства и практики его применения путем внесения предложений законодательным органам. Следует отметить, что данный закон продолжает действовать (безусловно, частично) и в настоящее время. За 20 лет действия закона в него 10 раз вносились изменения.

Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в ст. 8 гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности¹⁸. Также в Конституции закреплены права граждан России на предпринимательскую деятельность (кроме деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию), защиту собственности, труд и отдых. Тем самым Конституция РФ гарантирует функционирование ряда фундаментальных институтов конкурентной среды.

В 1995 г. отрывочные формальные нормы конкурентной среды пополняются федеральным законом от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ “О естественных монополиях”¹⁹. Данный норматив-

ный акт определяет естественную монополию как особое состояние рынка, характеризует субъект естественной монополии, определяет государственный орган, ответственный за регулирование деятельности субъектов естественной монополии, и методы регулирования их деятельности, а также контрольно-надзорные функции государства. За 16 лет действия данного закона в него 11 раз вносились изменения.

Справедливости ради следует отметить, что государство предпринимало систематические попытки отраслевой защиты конкуренции. Как известно, реклама является одним из основных и мощнейших инструментов конкурентной борьбы. Очевидно, что использование данного инструмента должно быть оговорено определенными рамками и правилами, равнообязательными для всех экономических агентов. Для этого в 1995 г. принимается федеральный закон от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе»²⁰, регламентирующий общие требования к рекламе, а также определяющий характеристики недобросовестной, недостоверной, неэтичной, заведомо ложной, скрытой рекламы и т.д. Также определяются полномочия и функции антимонопольного органа как регулятора конкуренции в данной отрасли. За неполных 11 лет закон претерпел 8 корректировок. С 1 июля 2006 г. этот формальный нормативный акт заменен государством на новый федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»²¹, который на настоящий момент имеет уже 16 редакций.

Сходная ситуация сложилась на отраслевом квазирынке²² размещения государственного и муниципального заказа. С 1997 г. государство предпринимает попытки сконструировать конкурентные механизмы распределения бюджетных средств и осуществления бюджетных расходов. Его институционализация началась с принятия указа Президента РФ от 8 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд»²³. Как видно из названия этого нормативного акта, его основное предназначение – снижение коррупционного эффекта и за счет повышения прозрачности процедуры закупок, привлечения дополнительных участников на этот рынок, а также снижение затрат на единицу закупаемой продукции и повышение эффективности государственных расходов в целом. Тем самым было положено начало формированию института государственных закупок, поскольку вводились единые правила осуществления закупок для всех заказчиков, а процедуры закупок стали адекватны мировым требованиям.

Данный нормативный акт, регулирующий правила проведения закупочных кампаний распорядителями бюджетных средств всех уровней, был заимствован из институциональной среды развитых стран, где такой экономический институт имеет почти двухвековую историю развития, и принят как типовый закон о закупках товаров (работ) и услуг, рекомендованный к применению странам – членам ООН²⁴. Однако возникает проблема конгруэнтности или ее отсутствия между формальными законами страны-донора и неформальными практиками страны-реципиента²⁵. Импорт формальной части института государственных и муниципальных закупок, осуществленный «сверху», и его административно-стимулируемая имплантация в систему пережившей масштабный финансовый кризис 1998 г. российской экономики без учета корректировок неформальных практик детерминировали нестандартные и совершенно неожиданные эффекты, прежде всего, масштабную коррупцию.

Очевидно, «хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям»²⁶. В силу этого импорт конкурентной системы распределения бюджетных средств как институционально-рыночной инновации обусловил сложности ее «вживаемости» в сложившуюся практику государственных закупок. Новая, чуждая госчиновникам институциональная среда, лишаящая их неформальной ренты, вызвала активное противодействие ее внедрению. Однако в целом данная институциональная реформа была признана экспертами одной из самых успешных среди всех управленческих реформ за 15 лет экономической трансформации России²⁷.

Однако, на наш взгляд, при строительстве данного экономического института государством было упущено из виду, что формальные правила, закрепленные в институционально-правовых актах, не учитывали специфики государственного устройства России, в частности сложившейся трехуровневости власти: федеральной, региональной (субъекты Федерации) и муниципальной (местной), а также тот факт, что местная власть Конституцией РФ выведена из структуры органов государственной власти РФ²⁸. Как следствие, принятый во исполнение названного Указа Президента РФ федеральный закон от 6 мая 1999 г. № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд»²⁹ регламентировал процедуры проведения конкурсных

торгов только для нужд Федерации. Поэтому закупки для субъектов Федерации и для нужд муниципалитетов подлежали институционализации собственными нормативными актами, что спровоцировало несогласованность действий государственных заказчиков, неопределенность поведения их потенциальных контрагентов - участников торгов и нарастающую асимметрию информации. Это обусловило необходимость унификации формального законодательства, установления единых правил проведения закупочных кампаний распорядителями бюджетных средств всех уровней в рамках единого федерального закона, регламентирующего закупки для государственных и муниципальных нужд, возникла уже на первом этапе институционализации рынка государственных и муниципальных заказов. В итоге в 2005 г. был принят федеральный закон от 25 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»³⁰, который систематизировал квазирынок государственных и муниципальных закупок, прекратив действие большого количества разрозненных формальных нормативных актов. Тем не менее данный формальный закон, отвечающий за функционирование всего института, крайне нестабилен. За 7 лет его существования он корректировался уже 30 раз.

Попытки государства защитить конкуренцию не обошли стороной и отечественный финансовый рынок. В 1999 г. был принят федеральный закон от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг»³¹, предметом регулирования которого выступали отношения, влияющие на конкуренцию на рынке ценных бумаг, рынке банковских услуг, рынке страховых и иных услуг, направленные на защиту конкуренции на рынке финансовых услуг. В соответствии с данным законом полномочным представителем государства, выполняющим функции контролера, арбитра и инициатора институциональных новаций на данном рынке, традиционно выступает антимонопольный орган. Фактически закон направлен на антимонопольное регулирование этого рынка. Механизмов развития акторов данного рынка, а также инструментов развития самой конкуренции на нем рассматриваемым законом не предусмотрено.

Однако, на наш взгляд, из проанализированных выше формальных нормативных актов по государственной защите конкуренции закон о финансовом рынке оказался наиболее стабильным и гибко адаптирующимся к динамичности рыночных изменений. Просуществовав чуть ме-

нее 7 лет, он претерпел всего 2 редакции и был отменен вновь принятым федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»³². Продолжая традицию предыдущих формальных нормативных актов, новый формальный закон направлен на защиту конкуренции, в том числе на предупреждение и пресечение:

- монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции;
- недопущения, ограничения, устранения конкуренции кем бы то ни было.

Как показывает проведенный анализ содержательности формальной институционализации конкуренции, государственным полномочным органом по ее защите традиционно выступает антимонопольный орган, в функции и компетенции которого входит в числе прочих обобщение и анализ практики применения антимонопольного законодательства, разработка рекомендаций по его применению. Но этот закон также характеризует вопиющая нестабильность: за 6 лет существования он претерпел 16 корректировок.

Проведенный ретроспективный анализ формальных законов, направленных на институционализацию отдельных компонентов российской конкурентной среды, позволяет сделать вывод о том, что государственная политика по ее формированию и развитию конкуренции фактически подменена антимонопольным регулированием и защитой конкуренции. В силу этого сама реализуемая конкурентная политика характеризуется глубокой бессистемностью и непоследовательностью, носит декларативный характер. Такая политика не направлена на создание оптимальных условий для развития рыночных агентов и их взаимодействия на рынках по поводу реализации своих конкурентных преимуществ. Эта политика не имеет ни конкретных целей и задач, ни, соответственно, определенных механизмов их достижения.

В целом, государственная политика представляет собой комплекс последовательных действий, осуществляемых субъектом (субъектами) в отношении определенных объектов с определенной целью, и предполагает установление обязательных правил, поддерживаемых соответствующими механизмами, обеспечивающими соблюдение данных правил хозяйствующими субъектами³³. Соответственно, государственная политика в области институционального строительства конкурентной среды должна состоять из проектирования и создания формальных законов с учетом существующих неформальных практик и традиций, а также формирования и (или) необходимой корректировки неформальных практик в направлении координирующих мотивов формальных законов.

Только в таком случае результатом осуществляемого институционального строительства станет эффективный, востребованный экономическими факторами институт. В силу этого, на наш взгляд, разработка формального закона является необходимым, но явно недостаточным условием институционализации конкурентной среды, нужно информировать экономических акторов о целях и задачах разрабатываемого института, о выгодах каждого конечного агента рынка, о следовании правилам координации, определяемых данным институтом, обучать агентов принципам и инструментам этой координации внутри института.

Важным фактором устойчивой координации в рамках экономического института выступает его стабильность. Проведенный анализ ярко демонстрирует чрезвычайную нестабильность экономических институтов конкурентной среды, акторы просто не успевают корректировать свои рыночные транзакции вслед за изменением самих институтов. Это вносит хаос и неопределенность в процесс функционирования конкурентной среды и, как следствие, чрезвычайно снижает его эффективность.

Проведенный анализ предшествующего опыта институционального строительства конкурентной среды выявил еще одну парадоксальную ситуацию. Дело в том, что государство возлагает функции инициатора институционального строительства (инициатора принятия формальных законов или их корректировки), а также функции по контролю соответствия рыночных транзакций координатам формальных норм на один и тот же государственный институт - орган антимонопольного регулирования (в настоящее время - Федеральная антимонопольная служба РФ). В результате регулятор наделяется колоссальными возможностями по созданию и реконструкции формальных законов в соответствии со своими внутренними представлениями и потребностями. На наш взгляд, более эффективно отделить функционал по проектированию формальных составляющих экономических институтов от контрольно-надзорной функции по принципу разделения властей, в данном случае - на законодательную и надзорную. Очевидно, что проектировать институты должен один орган (тем более что в структуре органов государственной власти такой орган уже создан - Департамент развития конкуренции МЭР РФ), а надзорную функцию оставить за существующим антимонопольным органом - ФАС РФ.

Безусловно, государственное институциональное строительство должно осуществляться целенаправленно и системно. В настоящее время, по нашему мнению, направления институ-

ционального строительства конкурентной среды искусственно ограничены лишь антимонопольным регулированием и элементами защиты самого процесса конкурирования. В то же время проектированию и развитию конкурентной среды в целом и конкуренции в частности уделяется недостаточно внимания. Положительным примером проектирования экономического института конкурентной среды нам видится лишь квазирынок размещения бюджетных заказов, в рамках которого государством предложены новационные конкурентные инструменты и механизмы, а не только инструменты ограничения монополевой власти. Причем в данном случае институт формировался из двух источников: заимствованная часть института (общие принципы закупок) дополнялась самостоятельно выращенными элементами (электронный аукцион).

Действительно, необходимо не только защищать конкуренцию от негативных монопольных эффектов, но и развивать экономические условия конкурирования, в которых экономические акторы осуществляют свои транзакции. В таком разрезе нам кажется весьма актуальным и уместным предложение С.С. Сулакшина о разработке и принятии единого формального нормативного акта - Конкурентного кодекса РФ³⁴ - в статусе федерального закона. Автор предлагает в структуре кодифицированного акта предусмотреть разделы, посвященные не только защите конкуренции, регулированию естественных и государственных монополий, предупреждению и пресечению ненадлежащей рекламы и т.д., но также акцентирует внимание на разделах, посвященных стимулированию конкуренции и порядке предоставления государственной и муниципальной помощи. Предложенный документ призван вывести конкурентную политику России на качественно новый уровень: от защиты конкуренции и антимонопольного регулирования, к формированию конкурентной среды и стимулированию конкуренции.

Государственная конкурентная политика должна быть направлена не только на создание, развитие и защиту конкурентной среды, но и на качественное и количественное развитие самих агентов рынка. Необходимы не только масштабные декларации, но и реальная система мер, направленная на стимулирование увеличения количества малых и средних предприятий путем разработки системы налоговых преференций, на создание комплекса мер, стимулирующих развитие существующих агентов рынков. В данном случае речь идет о государственных программах содействия модернизации инфраструктуры предприятий, обучения персонала и т.д.

¹ *Лесных В.В., Попов Е.В.* Системный подход к проблеме импорта институтов в российскую экономику // Вестн. УГТУ-УПИ. 2008. □ 2. С. 9-11.

² *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экон. наука современной России. 2001. □ 3. С. 24.

³ Институты: от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов [и др.] // Вопр. экономики. 2005. □ 5. С. 5.

⁴ *Тамбовцев В.Л.* Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопр. экономики. 1997. □ 3. С. 82.

⁵ *Клейнер Г.Б.* Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк, 2005. С. 408.

⁶ *Олейник А.Н.* Институциональный трансферт: субъекты и ограничения (российский случай в глобальном контексте) // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк, 2005. С. 434.

⁷ См.: *Белокрылова О.С.* Императивы институционализации взаимодействия бизнеса и власти в местном социуме // Постсоветский институционализм. 2006; *Власть и бизнес: монография* / под ред. Р.М. Нуреева. Ростов н/Д, 2006. С. 295.

⁸ *Белокрылова О.С.* Институциональная модернизация конкурентной среды российских рынков // Постсоветский институционализм. 2007: варианты институционального развития России: предпосылки, закономерности, перспективы: сб. ст. / под ред. Р.М. Нуреева. Томск, 2008. С. 213.

⁹ См.: *Вольчик В.В.* Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. 2004. Т. 2. □ 2. С. 55; *Вольчик В.В.* Эффективность рыночного процесса и эволюция институтов // Изв. вузов. Сев.-Кав. регион. Серия "Общественные науки". 2002. □ 4.

¹⁰ *Кирдина С.Г.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопр. экономики. 2004. □ 10. С. 89.

¹¹ *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. С. 58.

¹² *Норт Д.* Институты, институциональные изменения функционирования экономики. М., 1997. С. 118.

¹³ *Жук А.А.* Асимметричность институциональной мотивации экономических субъектов // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2010. □ 6 (98). С. 38.

¹⁴ *Дэвид П.* Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / под ред. Я.И. Кузьминова. М., 2006. С. 139.

¹⁵ О кооперации в СССР: закон СССР от 26 мая 1988 г. □ 8998-ХІ // Ведомости ВС СССР. 1988. □ 22. С. 355.

¹⁶ О мерах по демонополизации народного хозяйства: постановление Совета Министров СССР от

16 авг. 1990 г. □ 835 // СП СССР. 1990. □ 24. С. 114.

¹⁷ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР от 22 марта 1991 г. □ 948-1/ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. □ 16. С. 499.

¹⁸ Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 1993. 25 дек.

¹⁹ О естественных монополиях: федер. закон от 17 авг. 1995 г. □ 147-ФЗ // Рос. газ. 1995. 24 авг.

²⁰ О рекламе: федер. закон от 18 июля 1995 г. □ 108-ФЗ // Рос. газ. 1995. 25 июля.

²¹ О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. □ 38-ФЗ // Рос. газ. 2006. 15 марта.

²² *Корытцев М.А.* Институциональная структура и механизмы функционирования квазирынков в общественном секторе. Ростов н/Д, 2009. С. 260.

²³ О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд: указ Президента РФ от 8 апр. 1997 г. □ 305 // Рос. газ. 1997. 15 апр.

²⁴ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о закупках товаров (работ) и услуг / Комиссия ООН по праву международной торговли // Ежегодник. 1994. Т. XXV: Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1996. С. 417 - 440.

²⁵ *Олейник А.Н.* Институциональный трансферт: субъекты и ограничения (российский случай в глобальном контексте) // Модернизация экономики и выращивание институтов. М., 2005. С. 295-296.

²⁶ *Норт Д.* Указ. соч. С. 21.

²⁷ *Смирнов В.И.* Блиц-интервью // Госзаказ. 2005. □ 1. С. 5.

²⁸ Конституция РФ. Ст. 12.

²⁹ О конкурсах на размещение заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: федер. закон от 6 мая 1999 г. □ 97-ФЗ // Рос. газ. 1999. 13 мая.

³⁰ О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 25 июля 2005 г. □ 94-ФЗ // Рос. газ. 2005. 28 июля.

³¹ О защите конкуренции на рынке финансовых услуг: федер. закон от 23 июня 1999 г. □ 117-ФЗ // Рос. газ. 1999. 29 июня.

³² О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 г. □ 135-ФЗ // Рос. газ. 2006. 27 июля.

³³ *Авдашева С., Шаститко А.* Промышленная и конкурентная политика: проблемы взаимодействия и уроки для России // Вопр. экономики. 2003. □ 9. С. 18.

³⁴ *Сулакшин С.С.* О государственной конкурентной политике в Российской Федерации // Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 10 апр. 2007 г.). М., 2007. С. 29.

Поступила в редакцию 03.04.2011 г.